

Закон Припяти

Автор:

Дмитрий Силлов

Закон Припяти

Дмитрий Олегович Силлов

Апокалипсис-СТСнайпер #25

В Припять пришло чудовище в человеческом обличье. Оно умеет управлять временем и совершенными биологическими машинами для убийства, полностью подвластными его воле. Жестокое, циничное, беспощадное, хладнокровно уничтожившее собственного брата.

И не только его...

Друзья Снайпера тоже в смертельной опасности. Узнав об этом, он бросается на выручку. Хотя понимает – шансов на победу просто нет, тварь слишком сильна. Но настоящий сталкер всегда предпочтет погибнуть в бою вместе с друзьями, чем бросить их в беде.

Дмитрий Силлов

Закон Припяти

© Д. О. Силлов, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Автор искренне благодарит

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ, Вадима Чекунова, руководителя направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ, а также Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ за поддержку и продвижение проектов «ГАДЖЕТ», «СТАЛКЕР» и «КРЕМЛЬ 2222»;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской Зоне отчуждения за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калининцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Загребельного и Глеба Хапусова за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «ГАДЖЕТ» и «КРЕМЛЬ 2222»;

а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», участвовавших в опросе по поводу улучшения обложки «Закона Припяти».

Пролог

Припять...

Мертвый город, где дома похожи на громадные старые надгробия, а могилы первых сталкеров время уже успело сровнять с землей.

Страшный памятник давней катастрофы, в котором давно нет жизни.

На первый взгляд...

По проспекту, некогда носившему имя вождя революции, шли двое.

Один в старом черном экзоскелете первого поколения – вернее в том, что от него осталось. Разбитая, покореженная, местами сгнившая броня чудом держалась на мощной фигуре идущего. Казалось, что прямо к его телу были приклеены отдельные куски металла, меж которыми виднелось почерневшее, бугристое мясо.

Его спутник выглядел еще более странно. Маленький, почти карлик, с совершенно жутким лицом – если, конечно так можно назвать пятиглазую физиономию со свисающими книзу короткими щупальцами, заменяющими веки для нижней пары глаз. А над нею – еще три. Один побольше, в центре. И два глаза по бокам от него, с кожистыми веками, расположенными вертикально. В общем, если такого мутанта неожиданно встретить, с непривычки можно запросто заикой стать. Особенно если он путешествует в компании с громилой, гниущее тело которого облеплено кусками ржавой брони.

– Харон, ну чего там, а?

В дрожащем, жалобном голосе пятиглазого мутанта чувствовалось нетерпение.

– Она где-то близко, – глухим голосом проговорил громила. – Но не пойму где именно. Сигнал какой-то странный, будто со всех сторон идет.

– Как это со всех сторон? – не понял мутант. – Ты лучше сосредоточься, будь другом. Пожалуйста, очень прошу. Ты ж понимаешь, кибы вообще редко беременеют, а моя Настя...

– Твоя Настя уникальная девушка, – прогудел тот, кого пятиглазый назвал Хароном. – Хотел бы я поглядеть на ту деву, что выбрала себе в мужья недомерка с такой уродливой рожей.

Странно, но мутант, похоже, совершенно не обиделся.

– Свою-то протухшую харю давно видел? – хмыкнул он. – Думаю, если остатки шлема с твоей черепашки соскоблить, то моя рожа по сравнению с ней будет выглядеть верхом совершенства.

– Слышь, Фыф, хорош языком молоть, сосредоточиться не могу, – поморщился Харон.

– Все-все, я заткнулся, – поднял лапки мутант.

– Вот так и стой, – прозвучало слева.

Вдоль центрального проспекта мертвого города густо разрослись деревья-мутанты – радиация вообще благотворно влияет на растительность. А необъяснимое аномальное излучение, волны которого до сих пор выбрасывает из себя находящийся сравнительно неподалеку Саркофаг – и подавно. Поэтому домов почти не было видно за огромными, в четыре обхвата стволами деревьев, росших на этом участке проспекта. Из-за одного из них и вышел человек, облаченный в суперсовременный экзоскелет, который по сравнению с тем, что был на Хароне, выглядел как роскошный броневедомоиль рядом с разбитой телегой.

В руках у человека не было оружия. Зато оно имелось у четверых бойцов, облаченных в характерную униформу группировки «Монумент» и появившихся из-за деревьев следом за типом в экзоскелете.

– Щас, размечтался, – жутко ухмыльнулся Фыф.

Его глазные щупальца напряглись, а в глазах появилось что-то, отчего у любого живого существа кровь бы застыла в жилах от ужаса. Аж воздух зазвенел от напряжения, возникшего вследствие нереальной ментальной силы мутанта, пришедшего в Зону из иного мира. Казалось еще миг, и тело незнакомца в экзоскелете просто разорвет на тысячи кусочков...

Но ничего не произошло.

Фыф внезапно застыл на месте, словно статуя. Будто окаменел, угодив в аномалию, неизвестную науке.

Незнакомец в навороченном экзо задумчиво потрогал один из глазных щупальцев мутанта, резким движением оторвал его, поднес к непрозрачному черному стеклу своего защитного шлема, словно пытался рассмотреть, потом пожал плечами, отбросил в сторону и неторопливо подошел к Харону.

- Ну, здравствуй, брат, - сказал он. - Давненько не виделись.

- Будь ты проклят, сволочь, - проговорил Харон, внимательно глядя на незнакомца.

- Ты же знаешь, я давно уже проклят, вместе с этим городом, - невесело усмехнулся незнакомец в экзоскелете. - Так что дополнительное проклятие мне никак не навредит. Даже если оно исходит от родного брата.

Они ушли.

Меченый.

Призрак.

Клык.

И Охотник вместе со своей спасенной девушкой...

Я махнул моей «Бритвой», ножом, способным рассекать границы между вселенными - и открылся портал. Такой же, как всегда. Висящая в воздухе дыра, проход в другой мир, на краях которого потрескивали лазурные молнии. Изуродованное пространство дрожало и грозило схлопнуться обратно, но молнии, то и дело пробегающие по краям разреза, держали его, словно электрические пальцы. Я собирался сдержать обещание и отправить Охотника с его девушкой домой, в его мир.

Но тут случилось неожиданное.

- Где-то я уже это видел, - усмехнулся Меченый. - А знаете, парни, я вот что подумал. Надоела мне Зона. Осточертела хуже горькой редьки. Попробую-ка я

пожить в другой вселенной Розы миров – вдруг там получше, чем здесь.

– Это вряд ли, – осторожно заметил Охотник.

– Хуже чем здесь вряд ли будет, – сказал Меченый.

И просто шагнул в портал.

Он никогда не любил много говорить, и тем более не переваривал прощания. Правда, за мгновение до своего шага он бросил взгляд на меня. И кивнул. Понятно. Поблагодарил за спасение.

«Не за что, – мысленно хмыкнул я. – Обращайся если что, мне не впервой вытаскивать из автоклавов легенд Зоны».

Призрак и Клык шагнули следом за ним. Ну, этих тоже можно понять. Валяться в стеклянном гробу в качестве донора клеток для экспериментов безумного ученого то еще удовольствие. Может и вправду в другой вселенной им повезет больше.

– Не хочешь с нами? – спросил Охотник. – Вместе выживать проще.

Я покачал головой. Одиночкам никогда не стать стаей. А с моим характером даже и пробовать не стоит прибиться к чьей-то команде. Даже если в ней лидер сам Меченый.

– Ну, дело твое, – сказал Охотник. – Благодарю тебя за всё. И главное – за нее.

Он обнял девушку, доверчиво прижимавшуюся к нему, и они вместе ушли в свой мир. Что ж, надеюсь там у них будет все хорошо.

А потом дыра в пространстве схлопнулось обратно, оставив после себя лишь слабый запах озона. Наверно я так никогда и не привыкну к тому, что умею прорезать тоннели между мирами. Слишком уж это фантастично даже для черной Зоны, полной совершенно непостижимых явлений, неподвластных человеческому разуму.

– Зря не ушел, – авторитетно заявил профессор Кречетов, подходя ко мне. – Какого лешего тебе тут делать?

Я пожал плечами.

– Попробую денег заработать. Все-таки мне нужна еще одна матрица, чтобы оживить Рут.

– А каким местом ты интересно думал, когда оживлял совершенно незнакомого мужика? – проворчал Рудик, подходя к нам. Он уже успел обшарить всю лабораторию, обнюхать каждый прибор и автоклав – и, не найдя для себя ничего интересного, решил влезть в чужой разговор с очень ценным вопросом.

– Вот и меня то же самое интересует, – прищурился Кречетов.

– Отстаньте, а, – попросил я. – Без вас тошно.

– Тошно ему, – хмыкнул Рудик. – Думаю, тебя не так затошнит, когда ты наконец оживишь свою Рут, и она предъявит тебе то же, что и я. А именно – какого хрена она все это время валялась у тебя в кармане в виде пучка волос, пока ты оживлял ни пойми кого.

– Прямо необходимо было ему это рассказывать, – укоризненно сказал я, глядя на Кречетова. На что тот сделал отрешенную физиономию типа «а я вообще тут не при делах».

– Ясно-понятно, – вздохнул я. – Ну ладно. Пойду-ка я отсюда, пожалуй. Куда-нибудь.

– Ну, иди. Куда-нибудь, – иронично заметил Кречетов. – Хотя можешь остаться, поработать на меня. Думаю, я быстро освою производство новых кукол. И за хорошую работу так и быть...

Внезапно его речь прервал стон.

Мой стон.

Ни с того ни с сего вдруг в мою голову словно пуля ударила.

Изнутри...

Я схватился руками за виски, грохнулся на колени и аж лбом воткнулся в холодный кафельный пол от нестерпимой боли. Настолько сильной, что от нее перед глазами явственный глюк возник: серые, мрачные здания, толстые деревья, изуродованные радиацией... И семь фигур меж ними. Две в экзоскелетах, рядом с ними несколько бойцов в навороченной униформе. И Фыф. Замерший на месте, будто окаменевший. И по его щеке капля крови ползет медленно так... Из раны на том месте, где до этого находилось одно из его глазных щупалец.

Видение было мгновенным. Появилось – и нет его. Исчезло вместе с болью, будто их и не было вовсе.

– Ну, я еще не настолько крут, чтобы мне молиться, – раздался у меня над головой голос Кречетова. – Хотя – чего уж скрывать – мне понравилось...

Я медленно поднял голову, и профессор заткнулся. Видимо, увидел нечто у меня в глазах, и понял, что пошутил неудачно.

– Что это было? – встревоженно спросил Рудик.

Маленький ушастый мутант, немного похожий на прямоходящего лемура, соображал порой лучше любого человека. И чуйку имел потрясающую – не зря ж всё его племя обладало ментальными способностями. Хоть и слабыми, но тем не менее.

– Без понятия, – сказал я, поднимаясь с пола. – Но зато точно знаю куда мне надо идти.

– И куда? – поинтересовался Кречетов.

– На север, – твердо сказал я.

* * *

– Занятно, – усмехнулся тот, кого Харон назвал Хроносом. – Бросить мощнейший ментальный посыл словно бутылку в море, потратив на него практически все остатки личной силы. Кто ж его примет? А если и примет, то кому ты нужен вместе со своим уродливым спутником? Кому надо тащиться в Припять вам на выручку? Я бы понял, если б ты попытался хотя бы меня ударить. Или дал команду своей гвардии разорвать меня на части.

– Так вот что тебе нужно, – невесело усмехнулся Харон. – Моя гвардия. Ради нее ты и затеял это шоу. Ну уж нет, обойдешься. А бить тебя – только руки марать. Да и бесполезно это.

– Совершенно верно, – кивнул Хронос. – Ты потерял всё – власть, силу, группировку. Даже сама Зона отвернулась от тебя. Я же за эти годы лишь усилил свои способности, в том числе и умение останавливать личное время любого живого существа – теперь для этого мне нужно меньше секунды. А потом ко мне примкнули остатки твоей группировки – те, кого ты не успел отдать на растерзание мутантам и чудовищам из иного мира. Одно мое слово, и они с удовольствием разорвут тебя на части.

– Пусть рвут, – хмуро отозвался Харон. – Их право.

– Ну уж нет, брат, – покачал головой Хронос. – Сначала отдай мне свой резерв. Свою гвардию, которую ты прячешь где-то здесь, в Припяти. А потом я гарантирую тебе легкую смерть. Кое-кто в этих местах считает, что ты бессмертен. Но, думаю, это не так. Вряд ли твое тело будет жить, если его перебросить назад во времени лет на сто. Ты же знаешь, я это умею.

Харон знал...

Он прекрасно помнил все, что произошло в тот весенний день, когда два брата, перспективные молодые ученые по заданию правительства прибыли в Украину для расследования причин чернобыльской катастрофы. С собой братья привезли свое суперсекретное изобретение – экзоскелет, позволяющий в несколько раз увеличивать силу конечностей человека, одновременно защищая его от внешних воздействий, включая пули, осколки и радиацию.

Их вторым, неофициальным, но приоритетным заданием было испытание экзоскелетов в экстремальных условиях, приближенных к боевым – весь мир в те годы усиленно готовился к ядерной войне, лихорадочно изобретая средства для выживания во время нее, и после нее. А где еще можно было испытать новую разработку такого рода, как не в жерле аварийного реактора?

Естественно, создатели экзоскелетов никому не доверили их испытание, и настояли на том, чтобы самим добраться до эпицентра взрыва и выяснить что к чему.

И когда наконец был получен доступ внутрь заваленных помещений под разрушенным энергоблоком, они пошли туда первыми. Смогли пробиться сквозь завалы, руками разрывая арматуру. Миновали помещение с наплывами ядерной лавы, где стрелки рентгенометров как легли в крайне правое положение, так и остались там лежать. Благодаря своим экзоскелетам, братья остались живы там, где любой человек умер бы через несколько минут, получив критическую дозу радиации. Они достигли самого сердца разрушенного реактора...

И увидели аномалию, похожую на огромное надгробие, сверкающее нереально-потусторонним сиянием цвета чистого неба.

– Что это? – удивленно воскликнул младший брат.

– Понятия не имею, – покачал головой старший, родившийся всего на год раньше брата, но, несмотря на разницу в возрасте, считавший себя мудрее и опытнее. – Но что бы это ни было, думаю, нам пора возвращаться. У экзо тоже есть предел прочности, а это сияние наводит меня на мысль о смерти под лучом.

– Неужто сам Харон испугался смерти? – рассмеялся младший брат.

– А Хронос, вероятно, решил, что у него как у кошки есть девять жизней, – мрачно проговорил старший.

Они оба с детства увлекались мифами древней Греции, и обоим не нравилось, как их называли родители. Поэтому они выбрали себе звучные имена греческих богов из любимой книги детства – немного похожие по звучанию, но очень разные по значению.

Старший – всегда задумчивый, немного угрюмый – взял себе имя Харона, перевозчика мертвых душ через реку Стикс в Аид, загробное царство. А младший – имя древнего бога Времени, по преданию создавшего огонь, воздух и воду. При этом они сознавали, что окружающие могут не понять такой странности, поэтому своими немного напыщенными прозвищами называли друг друга только когда оставались одни.

И вот сейчас они стояли перед явлением, которому не было названия – такого еще никто на земле не видел.

– Прямо монумент какой-то, – восхищенно сказал Хронос, приближаясь к неведомой аномалии. – Памятник техногенной катастрофе, созданный ею в недрах разрушенного реактора.

– Осторожнее, – встревоженно произнес Харон.

Он заметил, что при приближении брата мерцание сверкающего монумента стало более интенсивным. Его гладкая поверхность начала едва заметно дрожать, словно на нее что-то давило изнутри.

Но младшего это не насторожило. Он был ученым до мозга костей, и сейчас видел перед собой лишь крайне интересный объект для изучения.

– Да хватит уже меня опекать! – отмахнулся он от Харона. – Раскрой глаза, брат! Это же гарантированная докторская диссертация!

Он протянул руку к аномалии, явно намереваясь коснуться ее пальцем.

Яркий свет слепил глаза молодого ученого, и он не видел того, что было видно его старшему брату, предусмотрительно опустившему темные светофильтры на стеклянное забрало шлема. Вибрация внутри аномалии все нарастала, и Харон понял – еще немного, и что-то ужасное вырвется из нее, сметая всё на своем пути.

А младший вот-вот коснется пальцем сверкающей поверхности, теперь напоминающей тонкую пленку, готовую порваться от чудовищного давления изнутри...

И тогда Харон бросился вперед.

Человека в тяжеленном экзоскелете не так-то просто сдвинуть с места. Но если в него с разгона неожиданно врежется другой человек в таком же экзо, то немудрено не удержать равновесия и грохнуться на бок.

– Что за дурацкие шутки? – закричал младший, тщетно пытаясь подняться на ноги. Конечно, экзоскелет это не неуклюжий рыцарский доспех, и в нем предусмотрена возможность подняться после падения. Правда, быстро это сделать не получится.

А старший брат уже стоял на его месте, растопырив руки в стороны и обняв странную аномалию, словно пытаясь собственным телом прикрыть мир от того, что рвалось из нее наружу. Теперь и младший видел то странное дрожание, усиливающееся с каждым мгновением. И вдруг интуитивно, каким-то звериным инстинктом понял, что сейчас произойдет нечто ужасное.

– Уходи!!! – закричал он.

Но было поздно.

Раздался оглушительный звук, с которым, наверно, рушится плотина, не выдержавшая колоссального давления воды. Хронос инстинктивно схватился за голову, пытаясь уберечь уши, но это было уже не нужно – динамики наушников шлема, приняв в себя запредельную нагрузку, просто вырубилась. И сейчас молодой ученый в полной тишине смотрел, как прямо из спины брата в стену разрушенного зала бьют мощные лучи небесно-голубого света.

Ослабленные лучи...

Это Хронос понял сразу. Встретив на своем пути препятствие, аномальное свечение не смогло набрать достаточной силы. Достаточной для чего? Непонятно. Но опять же на уровне инстинкта Хронос знал – старший брат спас не только его, а и многих других людей. Совершенно точно тех, что ждали их возвращения возле разрушенного реактора. А, возможно, еще и многих других, которые могли оказаться на пути энергетической волны, вырвавшейся из аномалии.

Всё это длилось мгновение, не больше...

Бледно-голубые лучи исчезли, дрожание внутри аномалии прекратилось. Теперь она сияла ровным лазурным светом. А старший брат продолжал обнимать ее, словно слившись с нею, став единым целым.

Хронос со второй попытки смог подняться с пола и бросился к Харону, уже понимая, что после случившегося брат просто не может остаться в живых. Но надежда, как известно, умирает последней.

Хотя, когда Хронос подбежал ближе, он сразу понял – это всё. Брата больше нет. Его экзоскелет почернел и растрескался в тех местах, откуда били лучи цвета чистого неба. Но куски брони не отвалились. Они намертво приросли к телу Харона. Потемневшее, бугристое, измененное аномальным излучением человеческое мясо было хорошо видно через широкие трещины в броне, местами оплавленные по краям.

Хронос в ужасе сделал шаг назад. Другой. Третий. Потрясенный увиденным, он упал на колени и закричал:

– Зачем?! Зачем ты это сделал?!?! Это была моя, слышишь, моя смерть!!! Ради людей, ради науки!!! Ты всегда был первым, всегда был лидером! И даже после смерти останешься им! Тебе воздвигнут памятник, о твоём подвиге будут писать книги! А я – я так и останусь никому не известным одним из изобретателей экзоскелета, чье имя везде и всегда теперь будут писать после твоего!!!

Хронос обхватил руками шлем. Плечи ученого тряслись под броней, его бил нервный озноб. Он всегда любил брата – и ненавидел одновременно.

За то, что тот был старше, рассудительнее, мудрее...

И вот сейчас Хронос ненавидел его еще больше! За то, что Харон умер, своей героической смертью окончательно задвинув младшего на второй план.

Из глаз молодого ученого текли злые слезы, оставляя на щеках влажные дорожки и капая на внутреннюю поверхность стеклянного забрала шлем-а...

Он не знал, сколько простоял вот так, пока не унялась нервная дрожь, и зубы не перестали выбивать частую дробь. И тогда в голове возникло оно. Желание. Единственное и неповторимое, как эта проклятая аномалия, которую сейчас обнимал мертвый брат.

– Как же я хочу действительно быть Хроносом, – простонал он, сжимая кулаки в приступе бессильной ярости. – По-настоящему управлять временем, чтобы...

Он не договорил. Потому, что бесплотный, мертвый голос в его голове прошелестел:

«Я услышал твое желание, человек. Ты получишь то, что заслужил. Твой путь начинается здесь».

Хронос вскочил на ноги.

– Что? Кто это сказал???

– Это... сказал... он...

Молодой ученый остолбенел. Его погибший брат, сожженный аномалией, пошевелился. Рука, прикипевшая к сверкающей поверхности лазурного монумента, с усилием оторвалась от нее. От этого резкого движения из глубокой трещины на плече брызнул грязно-желтый гной, и потек по черной броне.

Однако брат, похоже, совсем не чувствовал боли. С омерзительным треском отлепилась от аномалии вторая рука. Но грудная клетка оставалась прикипевшей к лазурной поверхности. Тогда Харон уперся в нее обеими верхними конечностями, и сильно оттолкнулся, оторвав себя от страшного порождения разрушенного энергоблока, которое отняло у него обычную человеческую жизнь, взамен подарив другую. Или, скорее всего, наградив проклятием. Потому, что жизнь в таком теле – не жизнь, а страшная пытка.

Это было первое, о чем подумал Хронос, когда мертвый брат повернулся к нему. На черном, полностью сожженном лице жутко выделялись глаза, налитые кровью из полопавшихся сосудов, похожие на буро-красные шарики, вставленные под черные, сгоревшие веки. Левую щеку Харона пересекала

глубокая трещина, из которой медленно сочился гной, лениво стекая вниз по подбородку.

Существо, стоящее перед Хроносом, было мертво. Оно просто не могло жить. Но оно жило вопреки здравому смыслу, и сейчас говорило с ним, при этом нижняя челюсть чудовища судорожно дергалась в такт словам – видимо, нелегко произносить их, когда твое тело сгорело процентов на восемьдесят.

– Уходи, – с трудом проговорил мертвец. – Монумент исполнил... твое желание. Надеюсь... больше мы с тобой не увидимся.

– Что? Кто исполнил???

Хроносу было страшно. Даже любопытство ученого куда-то делось. Реально жутко это – разговаривать с мертвым чудовищем, которое несколько минут назад было твоим родным братом.

– Уходи, – повторил Харон, вновь поворачиваясь сожженным лицом к Монументу. – И... никогда не возвращайся.

Последние слова дались ему с трудом, и не потому, что его гортань и язык были почти полностью сожжены неведомым излучением, прорвавшимся сквозь заплатку между мирами. Взрыв на атомной электростанции вскрыл границу, отделяющую одну вселенную от другой. Но неведомые физические процессы сформировали преграду на месте пробоины, как сгусток крови, формируясь на поврежденной коже, прикрывает ее, останавливая кровотечение. Однако не все прошло гладко. И если б не Харон, прикрывший пробоину в заплатке своим телом, выброс аномальной энергии мог бы полностью уничтожить этот мир. Сейчас ученый, по необъяснимым причинам оставшийся в живых и ставший частью Монумента, знал – будут еще выбросы. Но уже не такие мощные, как самый первый. После смерти ему многое стало ясно. В том числе и о брате. Смерть вообще имеет свойство многое менять в человеке.

Хронос тупо посмотрел на изуродованную спину брата, развернулся, и пошел к выходу из зала, бормоча себе под нос:

– Кошмар... Какой кошмар... Что ж я теперь людям скажу? Руководству, друзьям... Они же не поймут. Никто не поймет... Нереально, невысказано! Ох, как

бы я хотел, чтобы уже прошло года три с этого момента. А лучше десять лет. Или двадцать. Чтоб все забылось, чтобы все забыли о нас, о нашей миссии... Чтобы о Хароне все забыли... И обо мне. Как будто не было нас никогда...

Он шел, а в его голове все звучал чужой, равнодушный голос:

«Я услышал твое желание, человек. Ты получишь то, о чем просишь...».

Хронос шел покачиваясь, спотыкаясь об рваные куски арматуры, и опираясь рукой на растрескавшиеся бетонные стены, чтобы не упасть. Ему казалось, что он идет той же дорогой, что пришел сюда – но в то же время ученый осознавал, что это уже совсем другая дорога. Двойственное чувство, которое пугало больше, чем одиночество в таком страшном месте. О брате он старался не думать, боясь свихнуться, хотя был почти уверен, что сумасшествие уже наступило. Хронос знал, что наушники его шлема не работают, но в то же время он явственно слышал отдаленные выстрелы впереди и позади себя, крики и стоны умирающих, которые проклинали какую-то Зону, Монумент и Перевозчика, который кормится не только телами, но и душами мертвых сталкеров.

– Какая Зона? Какие сталкеры? – бормотал Хронос, уже просто на автомате переставляя ноги, и проходя прямо сквозь галлюцинации, которые стали не только слышимыми, но и видимыми – полупрозрачные тени бегущих людей, летающих призраков, монстров со щупальцами на месте рта. – Какой, к чертям собачьим, перевозчик? Мне бы только выйти отсюда. Только найти дорогу в этом проклятом лабиринте коридоров. Только бы...

И тут он увидел свет. Тусклый, но естественный, солнечный, отличающийся от мертвого света ламп, которые почему-то продолжали работать, хотя этого просто не могло быть в недрах разрушенного, обесточенного энергоблока.

Хронос ускорил шаги, понимая, что этого делать не стоило – сил и так почти не осталось. Но у любого живого существа открывается второе дыхание, когда оно видит путь к спасению из нереального, неправдоподобно ужасного кошмара...

Это был пролом в бетонной стене. Хронос перешагнул через чей-то скелет с простреленным черепом – и вышел наружу.

Перед ним расстился гнетущий пейзаж. Серое, свинцовое небо над головой, серая трава под ногами. Серые бетонные столбы местами разрушенной эстакады, и сгнивший бронетранспортер, уткнувшийся передним буфером в один из этих столбов. Рядом с БТРом торчал покосившийся столбик с прибитым к нему знаком – красным пропеллером и подписью «Радиационная опасность!», на который падала огромная тень от чего-то, находящегося за спиной Хроноса.

Он обернулся. И замер на месте, пораженный увиденным.

Разрушенного энергоблока больше не было.

На его месте возвышалась мрачная многоступенчатая конструкция, напоминающая своим видом саркофаг. Гигантскую гробницу, которую нереально было возвести за несколько часов, которые молодой ученый провел внутри четвертого энергоблока.

– Невероятно... – прошептал Хронос – и почувствовал при этом, будто его подбородок уперся в плотную, колючую подушку.

Он поморщился, откинул забрало шлема – и на грудную бронепластину экзоскелета вывалилась длиннющая, спутанная борода.

Ученый застонал. Его ноги подкосились, и он упал на колени. Несмотря на шок, тренированный мозг моментально сопоставил факты. Истеричное желание, чтобы с момента смерти брата прошло несколько лет, и странный голос в голове Хроноса, говорящий о том, что кто-то услышал его.

И исполнил желаемое.

– Неет!!! – закричал ученый, запрокинув голову к серому небу. – Не хочу!!!
Назад!!! Верни назад мое время!!!

Он кричал что-то еще, захлебываясь слезами – и внезапно подавился очередным воплем, когда в поле его зрения шагнул силуэт, заслонивший тусклое солнце, а в лоб ткнулся холодный автоматный ствол.

– Тебя здесь никто не услышит, придурок, – прокуреным голосом произнес силуэт. – А теперь встань и держи руки так, чтоб я их видел.

* * *

И тогда Хронос разозлился. Сильно. До скрипа зубов. До равнодушия к тому, нажмет ли спусковой крючок этот неизвестный, назвавший его придурком, или нет. И бешенство это было не только из-за оскорбления и автоматного ствола, охлаждающего лоб. Все было в нем.

Ненависть к брату, отнявшему славу.

Ненависть к неведомой аномалии, отобравшей несколько лет его жизни.

Ненависть к этому миру, серому и равнодушному, словно саркофаг, воздвигнутый над разрушенным реактором.

Но было в этой всепоглощающей ненависти, затопившей все существо ученого, и еще нечто, напоминающее кристалл льда в бушующем пламени. Холодная мысль о том, что его желание все-таки сбылось!

И если это произошло один раз, то почему бы чуду не повториться?

Хронос улыбнулся, представив, как из этого широкоплечего человека, держащего его на прицеле, мощным потоком вытекает его время. То, что отпущено каждому живому существу.

То, что называется жизнью.

Очень явно он себе это представил, всю свою ненависть в мысль вложил. И даже не особо удивился, когда руки автоматчика вдруг затряслись, и оружие выпало из них.

Продолжая улыбаться, Хронос поднялся на ноги. Снисходительно посмотрел на согнутого годами дряхлого старика, на котором мешком висела камуфлированная форма. И даже его автомат поднимать не стал. Зачем он ему,

когда теперь у него появилось гораздо более мощное оружие? Он вдруг как-то странно, внутри себя увидел, сколько времени осталось в теле этого старика. Дня три, может, четыре. Что ж, пусть проживет их. Если сумеет, конечно.

Видимо, старик тоже это почувствовал.

– Добей, – прошамкал он. – Прошу.

И закашлялся – хрипло, с надрывом.

Хронос с интересом посмотрел, как из провалившегося внутрь рта старика сыплются на землю выпавшие зубы. Потом ни слова не говоря повернулся и пошел. Куда? А не все ли равно куда идти, когда ты умеешь управлять временем?

...Он вышел к кордону – и очень удивился, когда с вышки раздался выстрел, и пуля ударила ему в грудь. Если б на Хроносе не было экзоскелета, то, несмотря на его новую потрясающую способность, тут бы все и закончилось. Это надо учесть. И впредь бить на опережение.

Второго выстрела не последовало. На деревянный настил вышки с шелестом опустилась одежда, внутри которой находился лишь серый прах – Хронос немного перестарался с мысленным посылом, по неопытности и от неожиданности отняв у стрелка лет триста времени.

«Столько не нужно», – отметил он про себя. И по блокпосту ударил уже дозированно. Он чувствовал: его ментальная сила не безгранична, поэтому расходовать ее надо экономно.

В помещение блокпоста Хронос вошел беспрепятственно. Перешагнул через лежащий на полу сморщенный труп глубокого старика, обнявшего автомат, поднялся на второй этаж. Там, спихнув со стула еще одного высохшего мертвеца, он уселся за стол, заставленный едой, и основательно подкрепился, чувствуя, как медленно, но уверенно возвращается к нему его ментальная сила. Приятное ощущение. Невыразимо приятное.

Поев и отдохнув, он потянулся – и расхохотался, с удовольствием осознавая, как ошибался, когда считал, что в его жизни больше никогда не будет ничего хорошего. Права была чертова аномалия: его путь только начинается.

Потом он спустился вниз, нашел в кармане одного из трупов ключи от автомобиля «ГАЗ-69», стоящего рядом с блокпостом, завел его, и поехал в Киев по знакомой дороге – той самой, по которой они с братом прямо из аэропорта приехали в Зону отчуждения.

Последующие несколько лет были для молодого ученого чередой сплошных подъемов по карьерной лестнице. Это не трудно, когда твои конкуренты и соперники внезапно умирают от совершенно естественных причин. Хронос быстро понял, что можно не отбирать все время жизни человека, а состарить лишь какой-то определенный орган. Например, сердце девяностолетнего старика не способно обслуживать организм тридцатилетнего. Один лишь мысленный посыл – и человек, мешающий тебе расти дальше, через несколько дней умирает от инфаркта. Или от цирроза печени. Или вдруг внезапно впадает в полный маразм, неся абсолютную чушь и руша свою карьеру за считанные недели.

Декан факультета. Блестящая защита докторской диссертации. Директор института. Всего этого Хронос достиг за кратчайшее время, при этом не переставая изучать свой дар. И довольно скоро понял – время жизни можно не только отнимать, но и дарить. Нужным людям. Что гораздо эффективнее, чем убивать соперников.

Однако возврат молодости смотрелся бы слишком необычно. Поэтому Хронос стал лечить больные органы. Это было довольно просто. Рак легкого? Не проблема. Достаточно вернуть его лет на десять назад, когда того рака не было и в помине – и человек полностью здоров. Последствия травмы? Откатываем назад по времени пораженные, искаленные ткани, и вот они опять как новенькие.

Само собой, такие чудеса были не для простых смертных. Хронос лечил элиту. Тех, кто оплачивал его услуги огромными деньгами и безраздельным покровительством. Давно было заброшено директорство в институте и научные степени, приносящие смешной доход по сравнению с тем, что он имел сейчас. Хронос купался в роскоши и внимании сильных мира сего...

Но это быстро ему наскучило.

До него доходили слухи, что в чернобыльской Зоне отчуждения появилась мощная группировка бойцов, поклоняющихся Монументу – аномалии, способной исполнять любые желания. И что руководит той группировкой некий человекоподобный мутант по прозвищу Перевозчик в экзоскелете, приросшем к телу. Даже по этому скудному описанию не сложно было понять, кто скрывается под этим прозвищем.

О Зоне, ее легендарных героях-сталкерах и, конечно, о главаре «монументовцев» говорили все. Про них создавались компьютерные игры, о них писались книги, пользующиеся бешеной популярностью...

А Хронос в это время лечил мочевой пузырь и застарелый геморрой очередного олигарха.

На этом фоне деньги казались ему мусором, внимание элиты раздражало, роскошные приемы, банкеты и покровительственные похлопывания по плечу бесили до трясучки. До того, что один из высокопоставленных чиновников, фамильярно назвавший Хроноса по имени, вдруг через час внезапно умер от разрыва сердца.

Происшествие списали на возраст и последствия разгульной жизни, но Хронос понял – еще немного, и он сорвется всерьез, что будет иметь предсказуемые последствия. А от пули киллера, выпущенной из снайперской винтовки, способность управлять временем не защитит – ученый быстро выяснил, что может воздействовать лишь на тех людей, кто находится в поле его зрения. Любое чудо имеет свои ограничения.

И тогда он принял решение.

Подключив свои связи, он приобрел штурмовой экзоскелет последней модели. Ирония судьбы – когда-то он придумал эту суперзащиту, а теперь вынужден покупать собственное изобретение, доведенное до ума. Впрочем, он мог позволить себе купить не только навороченный экзо, но и завод, на котором его собрали, так что Хронос лишь усмехнулся, вывалив за эксклюзив огромные деньги.

Потом он нанял четверых сталкеров, знающих Зону как свои пять пальцев – именно такие были ему нужны для того, чтобы осуществить задуманное. Эта четверка ловцов удачи истоптала зараженные земли вдоль и поперек. Некоторое время они даже состояли в группировке «Монумент», но что-то у них там не заладилось. Бойцы еле ноги унесли – фанатики их едва не зачистили. Они и в Зону возвращаться не хотели, но когда Хронос нашел их в одном из баров Киева, и озвучил сумму гонорара за их услуги, бывшие сталкеры довольно быстро согласились. Заманчиво же один раз рискнуть, а потом всю жизнь не работать. Кто ж откажется?

Закупившись оружием для своей охраны и необходимой экипировкой, Хронос в сопровождении четверых бойцов перешел кордон, отделяющий Зону от Большой земли. Позади них на блокпосту остались лежать восемь мертвых солдат-охранников кордона, в черепных коробках которых лежали ссохшиеся мозги, частично распавшиеся в пыль. Пусть потом эксперты думают, что это за мутант ментальным ударом атаковал военных из Зоны, не подозревая, что мутант в образе человека сделал это с другой стороны забора из колючей проволоки.

Просто он вернулся, и ему надо было обратно.

Туда, где начался его путь.

К Монументу, который охранял его брат...

Правда, в первом же сталкерском баре, который попался у него на пути, Хронос узнал, что группировки «монументовцев» больше нет, а Харон скитается по Зоне в довольно странной компании. И что последний раз его совсем недавно видели на дороге, ведущей в Припять.

От этой новости Хронос немного огорчился. В его планах было показательно отнять у брата власть над его бандой, Монументом... и научными разработками, которые Харон вел в Зоне. Хронос узнал о Хароне много, очень много. Деньги дают неограниченную власть тому, кто умеет ими правильно распоряжаться – в том числе и любую информацию.

Даже умерев и воскреснув в виде жуткого чудовища, Харон оставался ученым. Зона предоставила ему неограниченные возможности для исследований – секретную подземную лабораторию, найденную им неподалеку от ЧАЭС,

возможность беспрепятственно проводить эксперименты на людях и мутантах, а также неиссякаемый источник энергии, который порой вдобавок еще и исполнял желания своего попечителя. В результате Харону удалось создать несколько идеальных солдат – отлично бегающих, метко стреляющих, быстро регенерирующих, которых он упаковал в бронекостюмы, также обладающие способностью к восстановлению. По сути это было практически живое существо, сливающееся с солдатом, и составляющее с ним одно целое.

Об этом странном существе, созданном братом, Хронос прочитал в одной из книг о Зоне, которых немало понаписал какой-то бывалый сталкер по имени Снайпер. Описание было не особенно по-детским, всего-то пара абзацев. Но Хронос понял: брату удалось создать то, о чем они вместе мечтали когда-то. Идеальный экзоскелет, не стесняющий движений, облегающий тело словно вторая бронированная кожа. Эти два абзаца намертво впечатались в память ученого:

«...пускай обе наши группы еще ведут бой, и пока довольно успешно, но сейчас от Дворца Культуры по улице Курчатова бегом несется сюда специальная штурмовая бригада американского спецназа «Антитаг» в странных, невиданных в Зоне нанокостюмах, которые вряд ли сможет пробить то оружие, что мы держим в руках».

И второй:

«Там стояло существо странного вида в костюме, напоминающем гипертрофированные, волокнистые мышцы, с которых содрали кожу. В лапах монстр держал оружие, сильно напоминающее штурмовую винтовку XM-29 OICW, но явно другой модификации».

Немного, но вполне достаточно для того, чтобы понять: Харон, похоже, подчинил себе отряд американских спецназовцев, из тех, что охраняли север Зоны, и сделал себе из них непобедимую гвардию, облачив в непробиваемые экзоскелеты и спрятав где-то в Припяти. Чисто оружие последнего шанса, которое очень пригодилось бы Хроносу для осуществления задуманного.

План сложился полностью, и Хронос не долго думая рванул в Припять. Нужно было сработать на опережение, успеть перехватить брата до того, как он доберется до своих идеальных боевых машин. От ЧАЭС до Припяти рукой подать, но Хронос решился на очень опасный трюк – двигаясь вперед, он

мысленно оттягивал назад личное время – свое и четверых сопровождавших его охранников, которых он нанял в основном для того, чтобы они охраняли его сон. Остальное время он охранял их – в частности, развеял в прах какого-то жуткого мутанта, встретившегося им на пути. И из аномалии вытащил одного из своих секьюрити, просто отмотав его время на пару секунд назад. Непростое занятие, когда еще вдобавок тянешь в обратную сторону общее время всей группы. Двойная очень нелегкая работа, со страшной скоростью сжирающая внутренние ресурсы организма.

Но у Хроноса была цель, и ради нее он был готов на все. И когда вдруг увидел брата в сопровождении какого-то пятиглазого уroda, то даже и не особо удивился. Это должно было произойти. Обязано. Когда ты чего-то очень хочешь, желания довольно часто сбываются без всяких там Монументов.

Время мелкого уroda удалось остановить не без труда – пятиглазый оказался на удивление мощным псиоником. Хронос почти все силы на него потратил. И если бы брат ударил ментально, то вряд ли Хронос выдержал бы этот удар. Понимая это, он чуть не приказал охране стрелять на поражение – планы планами, а жизнь всяко дороже.

Но Харон не ударил. Он просто стоял и смотрел на Хроноса. Странно. Неужели он не понимает, что сейчас будет?

– Ну, здравствуй, брат, – сказал Хронос. – Давненько не виделись.

Он очень хотел выглядеть уверенно, вызывающе – но невольно отвел глаза, когда пересекся взглядом с Хароном. Хорошо что через тонированное бронестекло экзоскелета это невозможно было заметить со стороны.

– Будь ты проклят, сволочь, – проговорил Харон, внимательно глядя на того, кто стоял перед ним. Он мог бы ударить его, да так, что мозги из ноздрей и ушей брызнули. Но убить брата... Нет, это было невыносимо. Харон много чего ужасного совершил в своей жизни, но на такое был не способен даже он.

– Ты же знаешь, я давно уже проклят, вместе с этим городом, – невесело усмехнулся Хронос. – Так что дополнительное проклятие мне никак не навредит. Даже если оно исходит от родного брата.

Получилось красиво, хоть в книжку вставляй. И это немного приободрило Хроноса. В конце концов он сюда пришел не для того, чтобы выслушивать оскорбления от неудачника. В жизни существуют два типа людей – победители и побежденные. А всякие моральные моменты пусть останутся для тех, кто не умеет достигать намеченного. Если будешь оглядываться на такие странные, придуманные какими-то идиотами понятия, как порядочность, честность, совесть, то никогда ничего в жизни не достигнешь. Так и будешь ходить оглядываясь, пока башку себе не свернешь.

– Чего тебе надо? – спросил Харон, продолжая сверлить брата немигающим взглядом, одновременно ментально касаясь его сознания. Он быстро понял, во что превратился тот, с кем они вместе росли. Это существо, не знающее ни жалости, ни сострадания, больше не было его братом. У него вообще от человека только оболочка осталась. Харон знал, что Зона сделала из него чудовище, но то, что стояло сейчас перед ним, удивило даже его – а за свою жизнь хранитель Монумена повидал немало чудовищ.

Хронос усмехнулся.

– Что ж, сразу к делу – это я люблю. Ты ведь сюда пришел за своей гвардией, верно? Решил с ее помощью возродить группировку своих фанатиков? Так вот, я думаю, что лучше тебя справлюсь с твоим делом. Вызови их, прикажи подчиняться мне – и я сохраню тебе жизнь.

– А если я откажусь?

– Хороший вопрос, – кивнул Хронос. – Тогда я для начала превращу в пыль твоего уродливого друга. А потом придумаю, что сделать с тобой. И поверь, тебе это очень не понравится. Решай быстрее, брат. Похоже, скоро дождь начнется, и я не хочу тут мокнуть, уговаривая тебя так, как мне очень не хочется уговаривать – как-никак, мы все-таки братья.

Харон не боялся ни боли, ни смерти. И друзей у него никогда не было – у ученых и убийц редко бывают друзья. Но за недолгое знакомство с Фыфом хранитель Монумена неожиданно для себя успел привязаться к маленькому вредному мутанту. Да и выбора особого у него не было – Хронос не блефовал. Тому, кто обладает такой силой, блеф ни к чему.

- Подавись, - презрительно бросил он.

И послал мысленный сигнал.

- Только без шуток, - предупредил Хронос. - Если ты надумаешь натравить на меня свою гвардию, мне придется накрыть целый квартал временным ударом, уничтожив всё живое в радиусе полукилометра.

- Ты бы поосторожнее размахивал тут своими суперспособностями, - заметил Харон. - Припять не любит чужаков, которые слишком грубо тревожат ее покой.

- Да ну? - усмехнулся Хронос. - Этим полуразвалившимся домам не нравится моя персона? Ты в своем уме, братец? Или долгое общение с Монументом поджарило тебе мозги, словно в микроволновке.

- Не брат ты мне, мразь, - сплюнул Харон. - Мой брат умер несколько лет назад под четвертым энергоблоком.

Хронос хотел было ответить что-то язвительное, но вдруг явственно услышал позади себя тяжелый топот. Обернулся - и аж присвистнул.

Да, это были они. Гвардия Харона. Такая же точно, как была описана в романе. Десять совершенных существ, идеальных машин для убийства, вооруженных стрелково-гранатометными комплексами, действительно напоминающими XM-29 OICW, из-за своей дороговизны так и не принятую на вооружение.

- Они твои, - сказал Харон. - Я уже отдал им приказ служить новому хозяину.

- Да, вижу, - кивнул Хронос. - И чувствую. Приятно, когда твои солдаты подчиняются мысленным приказам, а не стоят болванами ожидая, пока ты на них заорешь. Пожалуй, теперь мне лишняя охрана не нужна.

Он повернулся к своим телохранителям, сопровождавшим его в рейде по Зоне.

Один из них что-то почувствовал звериным чутьем бывалого сталкера, и попытался вскинуть автомат...

Но мысль всегда быстрее пули. Оружие упало на асфальт, вывалившись из рук скелета, который через мгновение и сам рухнул рядом с ним, гремя желтыми, сухими костями. Трех товарищей погибшего постигла та же участь.

- Ты мог бы их просто отпустить, - тихо сказал Харон.

- Да ну? - удивился Хронос. - А я слышал, что хранитель Монуента жестокое чудовище, лишенное сострадания. Меня обманули?

- Я стал другим.

Голос Харона был бесцветным, лишенным эмоций. Он уже понял, что брат пришел сюда не для того, чтобы поболтать о добре и зле. И сейчас бывший главарь фанатиков просто смотрел. Нет, не на Хроноса. На небо - серое, тяжелое, мрачное. На изуродованные деревья. На облезлые дома с выбитыми дверями подъездов и разбитыми стеклами окон. На мрачный, жестокий мир, в котором он прожил много лет, и который успел стать для него своим...

- Готовишься к смерти? - криво ухмыльнулся Хронос. - Это ты зря. Не могу же я стать убийцей собственного брата.

Он кивнул на застывшую, обездвиженную фигуру Фыфа.

- А вот его да, придется. Он слишком силен. И слишком опасен.

Харон рванулся к брату, заноса кулак для удара - но было поздно. Фыф, из которого Хронос мгновенно и полностью выкачал время его жизни, рассыпался в прах. А Харон все бежал, пытаясь прорваться сквозь завесу заторможенного времени, в которую влетел словно муха в клейкую паутину.

- Надо же, - покачал головой Хронос, глядя как словно в замедленном фильме бежит к нему Харон - почти не двигаясь, почти зависнув в воздухе. - Странная штука жизнь. Когда-то ты пытался защитить меня ценой своей жизни, а сейчас так хочешь убить из-за какого-то уродливого мутанта. Никому верить нельзя, никому.

Ленивым движением мысли он снял временную завесу – и Харон, сделав шаг, тяжело опустился на разбитый асфальт. Неожиданно экзоскелет, приросший к его телу, стал весить раз в двадцать больше обычного, и тащить на себе эту неподъемную ношу стало просто нереально.

– А ты думал, что ты бессмертный? – спросил Хронос, присаживаясь на корточки и заглядывая в потухшие глаза брата. – Ну да, лет пятьсот ты еще протянул бы, если б далеко не отходил от своего Монумента, подпитываясь от аномалии жизненной энергией, словно паразит кровью. Но я подумал, что ни к чему тебе в таком вот жутком обличье еще полтыщи лет мучиться, и забрал их у тебя. Так что, старик, не я убью тебя, а твоя любимая Зона. Наслаждайся последними минутами жизни, а нам с твоей гвардией позволь откланяться. Не обессудь, дела.

...Они ушли. Чудовище, которое когда-то было ему братом, и его создания, которые когда-то очень давно были людьми. Но Харон не смотрел им вслед. Незачем. Сейчас его взгляд был устремлен на крышу ближайшей девятиэтажки, за которую медленно опускалось тусклое солнце Зоны. Ведь последний закат в твоей жизни это действительно то, на что стоит посмотреть. Особенно если ничего больше не можешь видеть кроме света, едва пробивающегося сквозь толстые старческие бельма на глазах.

* * *

– Ну и куда тебя черти несут? На какой такой север? Чего тебе на месте не сидится не понимаю?

Честно говоря, я уже порядком отвык от Рудика, который, похоже, был способен трещать без умолку весь день, да и ночь тоже. Понятное дело – рад он, что снова жив, что встретились. Но пока мы дошли до оружейного склада Захарова, у меня от моего ожившего приятеля-мутанта уже голова побаливать начала. Не скрою, я тоже был рад снова видеть этого нахального ушастого лемура с большими печальными глазами – моего старого товарища, с которым мы немало пошатались по разным мирам. Однако всему есть предел. И моему терпению тоже.

– Знаешь, тебе совершенно необязательно идти со мной, – заметил я. – Например, тут, в лаборатории, тепло, светло, и квазимухи не кусают. Оставайся

с Кречетовым, он тебя точно в обиду не даст.

– Оскорбить меня хочешь, да? – поднял на меня Рудик свои бездонные глазищи. – Считай, что тебе это удалось. А твой Кречетов он да, в обиду не даст. Просто препарировать меня и будет изучать. Без обид. Чисто для науки. Но если это то, что ты хочешь, ладно. Я возвращаюсь. Прощай.

Развернулся, повесил плечи, сгорбился, хвост по полу веревочкой волочится. И пошел вдоль по коридору. Медленно и печально. Ну что с ним делать прикажете? А ведь он прав, Кречетов для науки собственную маму на образцы разделает, и не почешется.

– Ладно, ладно, – проворчал я. – Только вот сцен не надо. Пошли уже.

– Мне тоже одолжений не надо, – произнес Рудик. Правда остановился, лапки на груди сложил, голову гордо приподнял. И стоит спиной ко мне. Наверно ждет, что я его умолять буду о прощении. Ага, щас. Давно заметил: некоторым смерть явно не на пользу идет.

В общем, подошел я, сграбастал Рудика поперек пуза и понес. Тяжелый, зараза. Но, как говорится, своя ноша не тянет.

– Это что такое? – возмущенно заверещал спир – именно так называется в мире Кремля породаwormов, к которой принадлежал Рудик. – Отпусти немедленно! Это насилие над личностью!

– Короче, личность, слушай сюда, – сказал я. – Если хочешь идти со мной, то вот мои условия. Сцен не устраивать. Характер не показывать. Во всем слушаться командира отряда, то есть, меня. Согласен?

– Ну, ты ж понимаешь, что это невыполнимые условия, – немного успокоившись, проговорил Рудик. Слова давались ему с трудом. Оно и понятно – неудобно говорить вниз головой, когда тебя несут, схватив поперек брюха. – Но что делать, я согласен. Подчиняюсь грубой силе. Но на будущее давай лучше без нее, я ж и укусь могу, когда в гневе.

– Вот и ладушки, вот и хорошо, – сказал я, ставя спира на пол. – А теперь пошли экипироваться.

– Другое дело, – осклабился Рудик. – Экипироваться это сейчас очень в тему, а то больно некомфортно чувствую я себя без штанов.

...На складе Захарова ничего не изменилось с прошлого раза – менять было некому. Правда, второго «Научника» я не нашел. А менять бронекостюм уже было надо, потому как на моем забрало многослойного стекла было разбито пулей, бронепластины помяты выстрелами почти в упор, один наруч сорван – чем, кстати, и воспользовалась одна злобная пиявка, внедрившись мне под кожу. От этих повреждений и внутренние системы жизнеобеспечения все отрубались. Только пневмоприводы, добавляющие силу конечностям, еще как-то функционировали – правда, тот, что левую ногу обслуживал, уже нехило так замыкал при разгибе колена.

Короче, менять надо было броник. Но на что?

Выбор был небольшой.

Тяжеленные штурмовые экзоскелеты, которых на складе было аж шесть штук, меня не впечатлили. Не люблю я их. Чувствуешь себя в такой броне то ли неповоротливым средневековым рыцарем, то ли космонавтом, запакованным в скафандр.

Целый стеллаж был завален оранжевой униформой ученых, которая от мелких аномалий спасает, но пулю практически не держит. Ну и заметная она слишком, ее за километр только что слепой не увидит. Идеальная мишень даже для неопытного стрелка. Поэтому – тоже не вариант.

На стеллаже рядом с оранжевыми костюмами тоже ничего путного не нашлось, кроме самой обычной «березки», известной на Западе как «камуфляж КГБ». На мой взгляд, не особо подходящая расцветка комбеза для Зоны, где зелени почти нет, осенняя «пальма» подошла бы гораздо лучше. Но чем богаты – на том и спасибо. Главное что камуфля новая, и размер мой.

Зато «берцы» нашлись знатные. Не серийка, такое только под заказ шьют. Кожа толстая и довольно мягкая, что порадовало от души. Потому как на армейскую

обувь практически во всех странах мира ставят «дубовую», ибо дешево, а солдату не привыкать, разносит. И подошва литая. Со стальным супинатором и стальной же вставкой в носке, крашенной под цвет ранта. Эдакое комфортное оружие последнего шанса, сразу же, без разноса отлично сидящее на ноге. Кому такое заказывал Захаров? И для кого? Впрочем, какая разница, если из восьми пар, стоящих на стеллаже, одна идеально села на ногу, да так, что и разуваться неохота. Правда, прежде чем переобуться, я новые «берцы» дооформил немного – разогнул пару найденных канцелярских скрепок, и аккуратненько вставил их в голенища между швов. Так, чисто на всякий случай.

Из оружия я на этот раз взял АШ-12, крупнокалиберный штурмовой автомат, как нельзя лучше подходящий для боев в городе. Этот – так вообще был подарком. Но подарком тяжелым. С барабанным подствольным гранатометом, снаряженным тремя гранатами и глушителем. Короче, полный комплект, вес которого меня не порадовал. Кило на семь потянет, не меньше. Чуть ли не в два раза тяжелее АК...

Но чуйка мне подсказывала – бери. Не пожалеешь. А я ее обычно слушаюсь. Мозги они к решению проблемы логику подключают, сомнения, рассуждения, твое текущее настроение и кучу всякого-разного, называемого в совокупности «размышлением». А чуйка – она как пуля. Нажал на спуск – и в цель. Или мимо... Но если она у тебя сталкерская, тренированная во многих мирах, то «мимо» случается крайне редко.

Патрон к АШ-12 особый, 12,7 на 55 мм СЦ-130. Которого на складе Захарова было в достатке. Немаленький патрон, прямо скажем, и по весу в том числе. Ладно. Если носимый боезапас тяжеловат, значит жратвы и разновсякой снаряги придется взять поменьше чем обычно. Я под такое дело себе небольшой рюкзак присмотрел, в который как раз еды и воды на сутки влезет, плюс полдюжины укупорок патронов. Если с собой АК беру, то в рюкзак можно и на три дня рацион загрузить. Но с АШ-12 такое дело не прокатит. Тяжело будет, хоть я уже в жилистости и выносливости могу с ишаком соревноваться, натренировался таскать на себе тяжести, лазая по соседним вселенным.

Разгрузку я тоже нашел скромную, без излишеств. Четыре запасных магазина к автомату рассовать, две гранаты – и хорош. Если больше, то бегать уж совсем несподручно будет. Ну и контейнер для артефактов прицепил к поясу на всякий случай – мало ли, вдруг что-то ценное по пути попадется.

А потом я увидел его...

Лежал он в самом углу оружейного стеллажа, покрытый многомесячной пылью. Потому, что не брал его никто. Ибо с первого взгляда ясно – тяжел больно, и жутковат с виду своими габаритами. Револьвер РШ-12. Это даже не слобой, как знаменитый «Пустынный орел». Из такого разве что динозавров валить.

Я с некоторой опаской взял револьвер в руку. Ох, ёксель... Явно больше двух кило, вдвое против «стечкина» по весу. Но блин... Оно ж под тот же патрон, что и мой автомат. А это очень хорошо, когда у личного оружия патроны взаимозаменяемые. И кобура у РШ-12 продуманная, с дополнительным ремнем через плечо, чтоб тяжелый револьвер не так сильно оттягивал к земле поясной ремень.

Взвыл я мысленно от перспективы таскать с собой по Зоне эдакую тяжесть, но не смог удержаться. Надо же попробовать такой раритет в деле, когда еще представится возможность встретить эдакое чудо? Вдохнул я – и приспособил кобуру с револьвером на ремень. Если уж совсем немоготу станет его таскать, продам диковинку первому же попавшемуся барыге.

Короче, упаковался по самые «не хочу». И, услышав сзади недовольное сопение, обернулся.

И еле удержался от смеха.

Подходящего по размеру обмундирования Рудик себе не нашел. Кроме армейских трусов и майки в расцветке зеленая «цифра». И то, и другое тоже было не по размеру, но спир справился с проблемой, где-то подоткнув материю, а где-то прихватив ее грубыми стежками. В лапах у мутанта был зажат компактный автомат «Вихрь».

– Будешь глумиться, ногу прострелю, – по-обещал спир, грозно оскалившись.

– Да я и не думал, – отбрехался я, давясь хохотом. – Круто ты подогнал по себе униформу, чувствуется рука мастера.

– Ну всё, тебе конец, – пообещал Рудик. Правда, ногу мне простреливать не стал, а лишь вздохнул, после чего закинул себе автомат за спину. Что-то мне аж жалко его стало.

– Ладно, не кисни, – сказал я. – Выбери себе самый маленький комплект одежды и засунь к себе в рюкзак – я вон на том стеллаже как раз компактные видел. Случится привал, попробую подогнать шмот по тебе.

– Я знал, что ты не оставишь друга в беде! – расплылся во всю зубастую пасть воспрявший духом Рудик. – Иначе бы тогда не полез из-за тебя под пули. Ну, ты помнишь.

– Помню, – улыбнулся я.

Да, я отлично помнил, как Рудик погиб, прикрывая мой отход, хотя вполне мог скрыться в лесу. Такое не забывается[1 - Об этих событиях можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон монолита» литературной серии «СТАЛКЕР».]

– Это хорошо, – хмыкнул спир. – Значит, и о том, как я стреляю, тоже помнишь. Так что не переживай, обузой не буду.

И умчался за обмундированием и рюкзаком.

Не зря их породу называют спирами – управился он буквально за две минуты, вернувшись с плотно набитым рюкзаком, который нехило так тянул его книзу, едва не опрокидывая на спину. Что, впрочем, Рудика ничуть не смущало.

– Ну что, пошли, разберемся с теми, кто на этом твоём севере паскудит! – сказал он, грозно ощерившись.

– Ну, давай попробуем, – сказал я, доставая из-за пазухи Кэпа.

М-да...

Артефакт выглядел довольно неважно после того, как он просверлил очередную «кротовую нору», чтобы мы с Кречетовым могли удрать из Института аномальных зон. Нет, немного энергии в нем осталось, но хватит ли ее на

создание еще одной искусственной пространственной аномалии? Кэп вяло пульсировал тусклыми золотыми сполохами, словно сердце, собирающееся остановиться...

- Друг, помоги, - прошептал я. - Пожалуйста. Очень надо.

И крутанул артефакт, надеясь увидеть в воздухе уже знакомое огненное кольцо...

Но ничего не произошло.

И я как-то сразу понял почему...

Кэп устал. Как любое другое живое существо устал жертвовать собой ради друга, который, пользуясь хорошим отношением, использует его в хвост и в гриву. Люди тоже иногда терпят такое от друзей. До поры до времени, пока не надоест этот сволочизм. Потому как ни разу не дружба это...

- Он обиделся на тебя, - вздохнул спир.

- Ты-то откуда знаешь? - немного раздраженно бросил я.

У меня перед глазами стояла картина, которую кто-то насильно впихнул мне в мозг: окаменевший, беспомощный Фыф, по щеке которого медленно сползает капля крови. Друг в беде, а я ничем не могу ему помочь...

- Мы, спиры, умеем не только проходить сквозь аномалии без вреда для себя, но и общаться с артефактами, - произнес Рудик. - Они как бы... полуживые что ли. Но тоже чувствуют, радуются, огорчаются. На свой лад конечно, вам, толстокожим хомо, этого не понять. Так что не будет он тебе больше помогать.

- У меня друг в беде, - глухо проговорил я. - Да, понимаю, я сволочь. Но может попросишь его помочь? В последний раз.

Рудик вздохнул.

- Ладно, давай. Попробую.

Спир взял у меня артефакт, посмотрел на него пару секунд – и, закрыв глаза, прижал ко лбу.

Странно это смотрелось со стороны. Прошло несколько мгновений, и Кэп замерцал более часто и интенсивно, будто что-то нервно доказывая Рудику. А тот еле заметно кивал головой и шевелил губами, что-то шепча на своем непонятном шипящем наречии.

Минут пять прошло, не меньше, прежде чем спир отнял артефакт от лба и открыл глаза, в которых я сразу заметил гаснущие золотые искры – такие же, какими мерцал Кэп.

– Он сказал, что поможет, – сказал Рудик. – В последний раз.

И ловко крутанул артефакт, словно каждый день тренировался просверливать дыры в пространстве.

Огненное кольцо появилось сразу. Мощное, большое, горящее неистовым пламенем. Вот что значит хорошо проведенные переговоры!

Я разбежался и прыгнул в полыхающую жаром пространственную аномалию, усиленно представляя себе серые, унылые девятиэтажки, которые в Зоне могли быть лишь в одном месте.

В Припяти...

Кэп не подвел. Секунда – и я уже, привычно сгруппировавшись, качусь по асфальту, сырому от недавно прошедшего дождя, краем глаза ловя окружающий пейзаж. Да, выбросило меня туда, куда хотелось, это без сомнения. Что ж, в очередной раз спасибо тебе, Кэп. Сейчас вот встану на ноги и попрошу Рудика передать артефакту искреннюю благодарность.

Рядом раздался смачный шлепок и сдавленное «твою мать!». Я поднялся на ноги и подал руку спиру, который, вывалившись из «кротовой норы», всё еще сидел на асфальте – видать, с непривычки знатно задницу отбил при падении.

– Ты ж вроде интеллигентный и не материшься, – с усмешкой сказал я.

– Извини, был напуган, – сказал Рудик. – На, забирай...

Он не договорил. Хотел протянуть мне лапку, на которой лежал Кэп – и замер на месте.

Кэпа больше не было. На мохнатой лапке спира лежала горстка серой пыли. Артефакт просто рассыпался в пепел, отдав всю энергию до капли.

Я невольно скрипнул зубами.

Всегда больно терять друга...

Во много раз больнее, коли он погибает по твоей вине...

Но просто невыносимо, как проворот в ране клинка ножа, вонзенного в твое тело, когда ты просишь его помочь – и он помогает, без раздумий, сомнений, без единого слова идя ради тебя на смерть. Кэп не умел говорить по-нашему, но разве это что-то меняет?

– Черт, – беспомощно пробормотал я. – Я ж не знал. Я не думал...

– Так вот что он имел в виду, когда сказал, что поможет в последний раз, – сказал Рудик. – Что ж, надеюсь это того стоило.

Я отвернулся. По моей щеке прокатилось что-то. Вряд ли слеза – сталкеры не умеют плакать. А те, что умели, потеряли эту способность – Зона быстро иссушает и слезы, и человеческие души. Просто, скорее всего, начинался очередной отравленный радиацией дождь, во время которого счетчики Гейгера начинают стрекотать более интенсивно, чем обычно.

Отвернулся – и увидел.

Он сидел на асфальте, прислонившись спиной к останкам бетонного фонарного столба, от которого остался лишь пучок ржавой арматуры высотой метра в полтора. Этот разломанный экзоскелет, кусками приросший к живому телу, невозможно было не узнать.

Но почему Харон не двигается? И где Фыф? Место точно то же самое, что я увидел в своем виде?нии.

Я подошел ближе.

Услышав шаги, Харон медленно поднял голову – и я увидел пустые, покрытые бельмами, слепые глаза на жуткой, гноящейся, сморщенной маске, которую невозможно было назвать человеческим лицом.

Бывший предводитель группировки «Монумент» умирал, это было очевидно. Правда, странно. Когда я видел его в последний раз, он выглядел намного лучше – если, конечно, такое слово применимо для мутанта. Из него словно высосали все соки, оставив догнивать на обочине проспекта полуживую, едва двигающуюся мумию.

– Кто это? – еле слышно проговорил Харон.

– Это я. Снайпер, – произнес я. – Ты звал меня, и я пришел.

– Поздно, – мутант опустил голову. – Все поздно. Он убил меня. Убил Фыфа.

– Как? – потерянно произнес я. Услышанное не укладывалось в голове. – Как убил? Кто убил?

– Мой брат. Хронос. Он умеет выкачивать из живых существ их время жизни. Монумент дал ему эту власть. Ты не сможешь убить Хроноса. Теперь ему служит моя гвардия. Ты видел их. Тогда, на пристани.

Я сразу вспомнил то чудовище, что смотрело на нас с лестницы, ведущей к воде. Трудно не согласиться. Вряд ли пуля из обычного стрелкового оружия сможет пробить такой бронекостюм. Хотя, конечно, никогда не поздно попробовать...

– Да, я видел их, – сказал я, до хруста сжимая кулаки. – Но твой брат убил моего друга. Нет, двух друзей. Поэтому я убью его. Во всяком случае, очень постараюсь.

– Я знаю, – сказал Харон. Его голос становился все тише и тише, и мне пришлось встать на одно колено, чтобы расслышать то, что он говорил. – Да, ты не отступишься. Тогда... Их бронекостюмы... Тебе нужен такой же. Моя лаборатория... Она на заводе «Юпитер», за корпусом номер два... Ищи вход в заброшенное убежище... Как найдешь, иди вниз, и сразу направо. Там увидишь. Чтобы войти... понадобится мой указательный палец правой руки... Возьми его... и иди... Храни тебя Зона, Снайпер...

Видно было, что последние слова дались ему с немалым трудом, и когда он все-таки произнес их, напряжение последних мгновений отпустило Харона. Он расслабился, плечи его опустились. И я спиной почувствовал холод, от которого по всему моему телу пробежала произвольная нервная дрожь. Сестра... Иногда я чувствовал присутствие Смерти, хотя не мог видеть ее. Когда-нибудь она придет и за мной, чтобы навсегда увести побратима с собой, в свои мрачные чертоги, как сейчас пришла за бывшим предводителем группировки «Монумент».

– Упокой тебя Зона, – сказал я, кладя ладонь на веки Харона, которые через мгновение опустились. Им, коченеющим практически сразу, нужно немного живого тепла для того, чтобы прикрыть мертвые глаза, смотрящие в вечность.

Харон не был моим другом. Скорее, врагом. Просто однажды судьба заставила нас сражаться против общего очень сильного противника. Но когда ты бьешься с кем-то плечом к плечу, враг ли это? И не становится ли он твоим другом в тот момент, когда прикрывает тебе спину? Сложный вопрос, на который у меня не было ответа.

А потом я вытащил из ножен «Бритву» и исполнил последнюю волю умирающего.

– Это было обязательно? – подойдя ближе с ноткой брезгливости спросил Рудик.

– Что-то ты, братец, после смерти больно нежным стал, – сказал я, поднимаясь с колена. – Раньше за тобой такого не замечалось.

– Сам попробуй помереть, тогда узнаешь, – с вызовом бросил спир.

– Пробовал. Не понравилось, – сказал я, пряча отрезанный палец Харона в один из подсумков разгрузки.

Разговоры – великая вещь! За ними проще забывается то, что очень хочется забыть. Смерть Кэпа. Смерть Фыфа. Смерть старого врага, который на самом деле и не враг, и не друг, а так... Но всё равно почему-то жаль его...

Можно, конечно, вытащить из рюкзака полулитровую флягу со спиртом, которую прихватил на складе, и выдуть ее всю – чисто чтоб не думать. Очень хочется. Но нельзя. Это Припять. Здесь выживают только трезвые на голову, причем во всех смыслах. От других остаются только кости, которых много валяется под серым небом в серой траве возле серых зданий.

Поэтому я лишь пригубил за помин погибших и передал флягу Рудику. Тот поморщился, но тоже приложился. Маленько не рассчитал, закашлялся. Бывает.

Я забрал флягу и всю ее, без остатка вылил на труп Харона. После чего чиркнул об ствольную коробку автомата охотничьей спичкой, и поднес ее к мертвому телу.

Несмотря на спирт, огонь горел неохотно, с ленивым треском пожирая черную плоть.

– Зачем? – прокашлявшись, спросил спир. – Всё равно ж не прогорит как следует.

– Здесь асфальт кругом, – ответил я. – А там, где его нет, все равно закапывать бесполезно – ночью мутанты по-любому выкопают и сожрут. Пусть хоть так будет, чем никак. Горелое мясо не всякий мутант жрать будет. Всё, хорош трепаться. Пошли.

Время разговоров прошло. И хоть боль всё равно осталась, будто гвоздь в грудь вбили, но надо было делать дело. Ту тварь, что умеет убивать столь эффективно, нельзя оставлять в живых. И дело тут не только в мести. Уроды умеют стремительно прогрессировать, становиться сильнее. Поэтому зачищать их нужно как можно быстрее.

* * *

В Припяти редко бывает тихо. Обычно тут постоянно какая-то движуха присутствует. В основном нездоровая, за версту воняющая кровью и смертью.

Здесь отсиживаются, собираясь с духом, смельчаки, решившие пробиться к ЧАЭС в надежде найти легендарную Машину желаний.

Сюда же откатываются зализывать раны те, кто умудрился выжить после очередной неудачной попытки добраться до Монумента.

Зная об этом, в Припять порой наведываются штурмовые группы правительственных войск в надежде накрыть сталкерское гнездо одним ударом. После чего обычно изрядно прибавляется валяющихся трупов на улицах мертвого города – как сталкерских, так и тех, кто пришел по их души.

А вонь разлагающихся мертвых тел привлекает мутантов.

Поэтому город постоянно переходит из рук в руки. То одна группировка его контролирует, то другая. Бывает, что в Припяти и вовсе не остается достаточного количества живых людей, способных противостоять нашествию мутантов. И тогда муты становятся здесь полноправными властелинами – до тех пор, пока не съедят всех мертвецов, и с голодухи не примутся жрать друг друга.

Обычно это заканчивается тем, что слабые твари разбегаются из города от греха подальше, и остаются лишь сильные. Ненадолго. Пока друг друга на ноль не помножат, или тоже не свалят из голодного и неприветливого места.

Похоже, мы с Рудиком попали сюда именно в такой момент временного затишья. Мы шли по проспекту Ленина, держа оружие на изготовку и готовые стрелять во всё, что движется – потому, что в Припяти всё, что движется, опасно для жизни.

Но стрелять было не в кого. Ни души вокруг. Даже воро?н на разросшихся деревьях не было, что для мертвого города странно – обычно их сюда немало слетается, чтобы полакомиться мертвечиной. Похоже, что-то их распугало. Но что?

– Не нравится мне эта тишина, – проговорил Рудик. – И место жуткое. Прямо по шкуре мороз от этих домов с разбитыми окнами. Как будто они глядят на тебя

своими пустыми квадратными дырами в многоглазых черепах.

– Надо же какой ты впечатлительный, – хмыкнул я. Хотя самому тоже было не по себе. Чуйка моя сталкерская прям звенела от напряжения. Однако до конца проспекта мы дошли без приключений.

Я хорошо представлял себе карту Припяти. Сейчас налево, потом примерно полкилометра по улице Курчатова, далее направо еще метров двести – и вот он, легендарный завод «Юпитер», пользующийся среди сталкеров дурной славой. Хотя про какой крупный объект Зоны не ходят мрачные байки? Может и тут ничего особенного, сильно отличающегося от остальной Зоны.

Справа что-то затрещало. Я повел стволом автомата на звук, но тревога оказалась ложной. В кустах между деревьями притаился голодный «электрод», который, почуяв живое тепло, попробовал дотянуться до нас тонкой изломанной молнией. Но не вышло. Ослабла аномалия от недоедания, поэтому разряд получился жидким. Метра три до нас не дотянулся – и исчез, оставив в воздухе лишь слабый запах озона. Надо же, засел в кустах, и уже не первый день ждет удачи. Так и подохнет с голоду ожидаючи. Лучше б уполз из города вместе с мутантами, у которых нюх на поживу.

Впереди показалось приземистое одноэтажное здание, похожее на небольшой магазин советской постройки. Похоже, его таким для маскировки построили, чтоб жители Припяти поменьше внимания обращали на постройку специфического назначения. До чернобыльской катастрофы здесь находилась городская фекальная перекачивающая станция, которую в народе называли просто «Фекалкой».

Внезапно я остановился и замер на месте. Потому, что из-за «Фекалки» неторопливо так выходил жук-медведь. Самый страшный монстр вселенной Кремля.

Страшный хищник подмосковных лесов, мутант с хитиновым панцирем, эдакий живой танк размером со слона. Шесть лап, морда не то собачья, не то медвежья, тело сплошь покрыто красно-бурой броней, смахивающей на сложенные крылья майского жука.

Сто процентов эта громадная тварь пролезла в мир чернобыльской Зоны через портал, который я однажды прорубил своей «Бритвой» – и который по неизвестным мне причинам почему-то не закрылся обратно. Больше ей тут просто неоткуда было взяться. Потому и свалили из Припяти и люди, и мутанты – на широкой хитиновой пластине, прикрывавшей грудь монстра, были отчетливо видны следы от пуль и чьих-то мощных когтей, глубоко пропоротивших естественную броню, но так и не добравшихся до уязвимой плоти.

Сталкивался я пару раз с жуками-медведями в мире Кремля. И выжил лишь чудом. Повезло можно сказать. Крупно. Но тогда я был на колесах, что некоторым образом уравнивало меня в скорости с быстроногим мутантом. Причем не один, а в компании с хорошими бойцами. Нет, Рудик отличный товарищ, но на своих двоих против жука-медведя нам противопоставить нечего. Добыча мы для него, причем достаточно легкая. Даже если попытаешься дернуться, мутант просто плюнет кислотой – и растечешься по асфальту словно жидкое пюре, уже готовое к комфортному употреблению.

– Вот дерьмо... – выдохнул Рудик, тоже останавливаясь и замирая – ему, родившемуся и выросшему во вселенной Кремля, не надо было объяснять, с какой тварью мы сейчас столкнулись.

– Совершенно с тобой согласен, – негромко сказал я. – На что еще можно нарваться рядом с «Фекальной», как не на него?

В такой ситуации только и остается что разговаривать. И ждать. Чего? А хрен его знает чего. Можно расслабиться и дожидаться, пока тобой пообедают, например. А можно попытаться просчитать варианты спасения – чем я сейчас лихорадочно и занимался.

Но как-то тухло шли те просчеты с учетом способностей твари из соседней вселенной, которая лениво так пережевывая свои смертоносные слюни, не спеша, вразвалочку направлялась к нам. Зеленые нити тягуче стекали вниз из пасти и шипели, коснувшись асфальта, который пузырился и дымился от соприкосновения с кислотой.

Но харкать жук-медведь не спешил. Растягивал удовольствие. Я помню, есть у этих тварей такая слабость – покрасоваться, силу свою продемонстрировать, насладиться оцепенением потенциальной жертвы при виде неминуемой смерти.

Распространенное довольно паскудное явление, часто встречающееся и у людей тоже. Которое меня изрядно бесит. А когда я злой, мне вообще всё по фигу становится. Признаться, замешкался я немного, когда этого монстра вдруг увидел. Не ожидал. Но сейчас всё прошло. Мозги заработали четко. И даже кое-какой план у меня созрел... когда Рудик спутал мне все карты.

Видимо, генетический страх перед кошмарной тварью полностью отбил у спира возможность соображать. Лучше б он сбежать попытался, честное слово, вместо того, чтобы заорать дурным голосом и начать палить в жука-медведя из своего «Вихря».

Не, я ничего не имею против патрона СП-6. Для своих целей он превосходен, особенно на короткой дистанции. Но жука-медведя бронебойные пули не впечатлили – слишком толста была хитиновая броня у этого чудовища, в которой те пули завязли, словно комары в тесте.

Но разозлили изрядно.

Харкнула тварь смачно, со вкусом. Должно, как очередью полоснула, чтоб сразу накрыть и меня, и Рудика. Но я ее намерения понял как только она ноздрями воздух втягивать начала. Поэтому в момент харчка я как стоял, так и грохнулся спиной на асфальт, выставив перед собой свой АШ-12.

Прием сработал. Вытянутое облако зеленых слюней пронеслось над моим лицом, но я его особо не рассматривал. Потому что уже стрелял с подствольного гранатомета, метя в морду чудовищу, после своего плевок разинувшему пасть и ринувшемуся вперед.

Первая граната ушла «в молоко», что неудивительно – я из подствольника АШ-12 стрелял первый раз в жизни. Но беда оказалась поправимой, так как гранатомет моего автомата был револьверного типа, и вмещал в себя три выстрела скромного калибра. То есть, перезарядки не требовалось. Соответственно, я жажнул в морду жука-медведя вторую гранату, взяв прицел немного пониже.

Эта граната вошла удачнее. Тюкнула мутанта в широкий лобешник, рванув точно между глаз. Думаю, такой удар в череп даже головушка посадил бы на задницу. Но этот шестиногий танк лишь остановился и затряс башкой, словно боксер, словивший нокдаун. Во лбу твари появилась дымящаяся дыра, в которую

можно было бы кулак всунуть. Но череп монстра был настолько толстым, что граната его хоть и повредила, но не пробила.

А вот злости чудовищу добавила. Хотя казалось – куда уж больше!

Оно прыгнуло с места, оттолкнувшись всеми своими лапами, да так, что вырванные когтями куски асфальта полетели в разные стороны. И я понял, что это конец. Правда, я все-таки успел всадить в брюхо жука-медведя последнюю гранату, и вдобавок еще и очередь туда же отправить.

Я стрелял, стрелял, стрелял, высаживая весь магазин в опускающуюся на меня сверху громадную тушу мутанта, потому что не привык помирать тварью дрожащей, потому что вот так, вдавливая спусковой крючок до судороги в указательном пальце, вот так, раздирая рот в последнем крике ярости, умирать – правильно. Так лучше, чем от водки, старости, болезней, нежелания жить дальше оттого, что смысл жизни потерян. Так – замечательно! На пике, на адреналине. И быстро. Когда мгновенная боль пронзает тело – и всё. Дальше уже ничего не болит. Ни тело, ни душа, ни совесть...

Я ждал этой боли – последней в моей жизни, как патрон в магазине моего автомата...

Но она не пришла.

АШ-12 заткнулся, израсходовав боезапас...

И тут я услышал треск.

И увидел невиданное...

Сбоку, прямо под летящую на меня сверху громадную тушу, подкатился светящийся шар, состоящий из сплетения множества беснующихся изломанных разрядов. Подкатился – и ударил снизу вверх всеми своими молниями навстречу ревущей горе мяса. Да так мощно, что огромная туша на мгновение аж зависла на этих молниях, бьющих точно в раны. Разряды будто чувствовали наиболее уязвимые места, лупя в отверстия, пробитые гранатой и пулями АШ-12 в брюхе, лишенном хитинового панциря.

В такие моменты теряться не надо. Мгновения мне хватило, чтобы резко перекатиться в сторону раз, другой, третий...

А потом совсем рядом со мной с громким чавканьем рухнул жук-медведь. Его лапы скребли по асфальту, кроша его в пыль. Мутант ревел, пытаюсь подняться, но силы уже оставили его. «Электрод», неведомо как оказавшийся под брюхом жука-медведя, выжирал его изнутри. Одна из молний с треском проломила хитиновый панцирь, сверкнула белой искрой, и немедленно исчезла внутри мутанта. Увлелась, стремительно насыщаясь свежим мясом...

Блин, даже боюсь представить, что за «электрод» будет сидеть на этой дороге через некоторое время, когда от жука-медведя останутся одни головешки. Аномалиям свойственно от обильной пищи увеличиваться в размерах. Предвижу, что после такого подарка, буквально свалившегося с неба, Зона рискует обзавестись мега-«электродом» величиной с небольшой танк.

Я поднялся на ноги.

Жук-медведь уже хрипел, беспорядочно и бестолково дергая лапами. Из уродливой, беспомощно разинутой пасти текли на асфальт зеленые слюни. Агония. Только вот интересно мне, как это «электрод» так вовремя и шустро подкатился под огромного мутанта? Совершенно несвойственное поведение для этих довольно медлительных аномалий.

Я огляделся. И увидел глаза. Большие, словно блестящие блюдца. Даже непонятно, как они умещаются на относительно небольшой мордочке спира.

Рудик сидел в кустах и трясся от ужаса, глядя на подыхающего жука-медведя. Я подошел, присел рядом.

– Ну и чего вибрируем? – поинтересовался я.

– А?

Спир ничего не соображал со страху, вцепившись в свой автомат, словно утопающий в ветку, протянутую ему с берега.

- Трясемся чего, спрашиваю? Подох урод шестиногий, некого больше бояться.

- Все равно... страшно.

Блюдца Рудика немного уменьшились, и в них начало появляться что-то похожее на осмысленность. А до меня вдруг дошло.

- Страшно ему, - проворчал я. - «Электрод» под жука-медведя подтаскивать не страшно было?

- Подтаскивать было бы страшно, - шмыгнул носом Рудик. - А я его просто пнул. Мы в детстве в древнюю игру играли, футбгдол называется. Там надо это... круглые аномалии ногами пинать, загонять их в Поля Смерти. Ну я их неплохо футбгдолил. Вот навык остался. Этот пучок молний рядом валялся, в кустах где я спрятался. Пнул я его - он и покатился. Чего там трудного-то?

- Действительно, фигня какая, - задумчиво сказал я. - Но все равно спасибо. Долг Жизни за мной.

- Забей, - махнул лапкой Рудик. - Если б не ты, этот фекальный жук-медведь меня бы точно сожрал. В мире Кремля мы, спиры, для них деликатес. Так что мы квиты.

- У меня на этот счет другое мнение, - сказал я. - Только просьба у меня на будущее. Не стреляй больше без команды, ладно?

- Испугался я, - немного смутился Рудик. - Больше не буду.

- Вот и отлично, - сказал я. - Ну, пошли дальше что ли, пока из «Фекалки» какое-нибудь новое дерьмо не вылезло.

* * *

Мы свернули налево, на улицу Курчатова. Не доверяя памяти, я сверился с картой, закачанной в КПК. Ну да, чуть больше полкилометра топать. Потом направо - и, считай, на месте.

– Может, лучше бегом? – поежился спир. – Как-то жутко тут больно.

– И это говорит мутант, который вырос в мире Кремля, пиная ногами аномалии? – усмехнулся я.

– Ну а чего такого, если они на нас не действуют? – пожал плечами Рудик. – Нас любой обидеть может, так хоть они не трогают. И то хлеб. Потому кроме них мы боимся всего на свете.

И вздохнул горестно.

– Это ты-то боишься? – хмыкнул я. – «Эй, Скорняк» помнишь?

– Помню, – улыбнулся спир. – Так я ж тогда тоже со страху.

– Ну, если ты такое со страху вытворяешь, то тогда я не знаю, что такое смелость и геройство, – сказал я.

И остановился, замерев на месте.

Рудик тоже тормознул, словно на невидимую стену напоролся. У спиров слух намного лучше человеческого. Значит, не показалось мне, будто справа тихий смех раздался. Тоненький такой. Детский. От которого у меня разом вдоль позвоночника мурашки побежали и затылок вспотел. Реально страшно услышать такое в пустом, мертвом городе – особенно после сталкерских рассказов о том, что бывает, когда встретишь в Зоне ребенка. Чистенько одетого, опрятного такого, с октябратским значком на груди или с пионерским галстуком на шее, будто сошедшего с плаката времен чернобыльской аварии...

Однако эти были без галстуков и значков. Совсем маленькие, лет по шесть. Мальчик и девочка. На нем светлая рубашка и шорты, на ней легкое, воздушное платьице. И бант на макушке, похожий на большую белую бабочку.

Держась за руки, они вышли из-за угла облезлого одноэтажного магазина с чудом уцелевшей надписью «Восход» на крыше. Увидев нас, они засмеялись снова. Радостно, будто увидели старых знакомых.

И вприпрыжку побежали к нам.

– Как это? – дрожащим голосом спросил Рудик. – Откуда здесь детеныши спиров? А, Снар?

– Значит, говоришь, ты детенышей спиров видишь? – процедил я сквозь зубы, вскидывая автомат.

Но выстрелить не успел.

Расцепив руки, они прыгнули. Трогательные детские личики исказили гримасы ярости, при этом мигом расползлись до маленьких ушей уголки улыбающихся ртов, в которых стали видны длинные острые зубы.

Прыжок тварей был столь стремительным, что я не успел ничего сделать. Мелкая пакость, крохотные пальчики которой превратились в острые когти, вдруг оказалась у меня на груди – и с мерзким хрустом впилась в шею.

Понятное дело, что я бросил автомат, который повис на ремне, и вцепился в мелкого монстра, пытаясь отодрать его от себя.

Бесполезно. С таким же успехом я мог оторвать собственный кадык. Тварь словно приросла к моему телу, продолжая вгрызаться в него – еще мгновение-другое и перекусит трахею!

Поняв, что мои усилия тщетны, я схватился было за «Бритву», намереваясь всадить нож в невиданного ранее мутанта... и вдруг совершенно случайно, боковым зрением, краем глаза увидел Рудика... который неистово драл когтями собственное горло. При этом его лапы свободно проходили сквозь полупрозрачное тело твари, впившейся в шею спира.

Еще не до конца понимая что происходит, я повернулся лицом к Рудику – и в тот же момент паскуда, убивающая спира, потеряла прозрачность и стала видна явственно, детально. Даже слишком детально, с избыточными тенями и четким рельефом мышц, словно мутанта нарисовали на суперсовременном компьютере.

Я чувствовал, что «моя» тварь буквально жуёт мое дыхательное горло, но я уже перестал обращать на нее внимание. Отпустив рукоять «Бритвы», я подхватил АШ-12, и выстрелил с бедра – в толстую букву «В» на крыше магазина, за которой, как мне показалось, обосновалась какая-то слишком объемная, неестественная хрень. Конечно, это мог быть и мусор какой-нибудь, но даже под порывами осеннего ветра не будет мусор слегка дергаться в такт каждому движению челюстей мрази, присосавшейся к моей шее.

Отдача толкнула в ладони. Темная хрень на крыше магазина вздрогнула: похоже, я не промахнулся. Вздрогнула – и сразу же жуткий, заунывный вой пронесся над Припятью. Страшный. От которого очень хочется лечь на землю, закрыть ладонями уши и молить Зону о том, чтобы этот ужас поскорее закончился. Я прям всем телом почувствовал такую неодолимую потребность.

Но при этом я понял еще одно – хоть и болит моя шея, но на ней больше никто не висит. Нет той паскудной твари, что жевала мое горло. Исчезла. Испарилась, будто и не было ее.

И хотя гнул меня к земле вой, который, возможно, и существовал лишь в моей голове, однако осознание того, что я не ошибся, придало мне силы. Я вскинул свой автомат к плечу и уже прицельно всадил еще три пули в пакость, воющую на крыше магазина.

Пожалуй, три было даже много. Уже после второй над буквой «В» словно черный фонтан брызнул на мгновение, после чего на выщербленные ступеньки перед входом в магазин с мерзким хрустом упала оторванная пулями длинная лысая голова, похожая одновременно и на человеческую, и на лошадиную.

Неудивительно. АШ-12 на то и штурмовой автомат, чтобы максимально эффективно решать вопросы с любой тварью, покушавшейся на твою жизнь.

Само собой, вой тут же прекратился. Я опустил автомат и потер ладонью шею. Нет, укусов не было. Их и не могло быть. А вот глубокие царапины от моих отросших ногтей присутствовали. Еще немного, и я либо разодрал бы себе дыхалку собственными ногтями, отдирая несуществующего мутанта, либо просто перерезал бы горло «Бритвой», уверенный, что убиваю монстра.

– Что это... было?

Я обернулся.

На Рудика было жалко смотреть. Несчастливая мордочка, слезы боли в круглых глазах, лапка прижимает к шее оторванный нехилый лоскут мохнатой шкурки.

– Судя по башке, очень сильный мутант, – кивнул я на мертвую голову. – Смахивает на помесь псионика и телекинетика. Поковырялся в наших мозгах, вытащил оттуда нужные воспоминания, внушил нам качественные глюки, и принялся наслаждаться бесплатным шоу, глядя как добыча сама себя убивает, уверенная, что дерется со страшными мутантами.

– Вот гад какой! – всхлипнул Рудик. – Я ж своих сестру и братишку увидел. Младшеньких. А потом они в болотных тварей превратились, которые по ночам у одиноких путников кровь пьют. Зачем он так? Почему дети?

– Не знаю, – пожал я плечами, доставая из нарукавного кармана бинт. – Может потому, что тут неподалеку за этими пятиэтажками раньше был детский сад «Золотой ключик». Говорят, что все человекоподобные мутанты раньше были людьми. Может и этот тоже, при детсаде сторожем был, или воспитателем. Хрен знает, короче. Давай-ка я лучше тебя перевяжу.

– Не надо, – осторожно качнул головой Рудик. – Ты же знаешь, регенерация у нас почти мгновенная. Думаю, уже приросло все.

Отпустив лапку, он подобрал с асфальта свой «Вихрь», лихо закинул его за плечо – и ойкнул. Потому что шкурка от шеи снова отвалилась и повисла книзу окровавленным лоскутом.

– Так, стоять на! – строго сказал я, подключив к голосу командирские нотки. – Рядовой Арудогрилонокс, немедленно на перевязку!

– Ты помнишь как меня зовут? – умилился спир, расплывшись в улыбке, аж поникшие книзу кошачьи усы встопорщились кверху от счастья.

– Такое забудешь, – проворчал я, бинтуя шею мутанта. – У меня еще один такой же кореш, хрен выговоришь. Кандоронгаро...

И заткнулся, не договорив. Аж зубы стиснул до хруста в челюстях, чуть язык не прикусил. Ну не мог я свыкнуться с мыслью, что Фыфа больше нет! И оттого втройне корёжило меня от мысли, что тварь, его убившая, всё еще ходит живая по Зоне.

Это надо было исправить. И как можно скорее.

Я зафиксировал бинт, перебросил свой автомат обратно со спины в руки, и сказал:

– Всё, пошли. И не зевай, смотри по сторонам. Мало ли кто тут еще решит поживиться нашими тушками.

* * *

– Да, блин, в этой вашей Припяти хуже, чем у нас в мире Кремля, – пожаловался Рудик, поглаживая лапкой раненую шею поверх бинта. – Я уж думал, что хуже чем у нас не бывает.

– У нас тут тоже по-всякому, – сказал я, на ходу озираясь по сторонам и держа автомат наготове. – Иной раз как только что. А бывает что как сейчас, например.

Действительно. Мы шли по улице Курчатова, ежесекундно ожидая новой атаки... Но вокруг было тихо. Как на кладбище. Стих ветер, до этого шевеливший обрывки проводов на столбах и гоняющий по разбитому асфальту желтую листву. Далекий заунывный вой какого-то мутанта тоже оборвался на самой высокой ноте. Даже звуки наших шагов казалось утонули в этой тишине.

По левую руку осталось знаменитое Городское отделение Внутренних дел города Припять, на входе в которое чудом сохранилось большое стекло с нарисованными на нем щитами, звездами, колосками, серпами и молотами. Местная аномалия, как-никак. То стекло, что находилось справа от входа, было давно разбито. А то, что слева – нет, стоит себе, как будто его вчера вставили и тщательно раскрасили советской символикой. Один сталкер, говорят, как-то озорства ради выстрелил в это стекло. Тому – хоть бы хны. Словно в стальную плиту пуля ударила. Сталкер, не поняв темы, очередью полоснул. Без толку, только рикошеты взвизгнули, и один из них ему щеку разорвал.

Тогда у сталкера перемякнуло. Подтащил к стеклу найденную тумбочку, из гранаты чеку выдернул, на тумбочку положил, отбежал подальше.

Рвануло. Ни стеклу ничего, ни тумбочке, что была к нему прислонена. Только следы от осколков на асфальте.

Ну и поехала крыша у парня. И кирпичи он кидал в то стекло, и ногами по нему лупил, и кулаки в кровь разбил. Без толку. С виду тоненькое оно, обычное, ни разу не бронированное. А разбить – никак.

Видели сталкеры того сумасшедшего еще совсем недавно. Сидит на ступеньках ГОВД, глаза безумные. Отдохнет – и снова начинает молотить по аномалии, около которой к тому времени скопилось уже порядочно осколков кирпичей, сломанных палок и гнутых кусков арматуры. А потом пропал псих куда-то. Правда, говорят, по ночам можно увидеть тень того сталкера, которая медленно проплывает сквозь разрисованное стекло и жутко хохочет.

Все это я быстро на ходу рассказал Рудик, который зябко передернул мохнатыми плечами.

– И так страшно, а ты еще жути нагоняешь. Впрочем, поделом тому сталкеру, нечего стрелять в легенды Зоны. Но всё равно оставь лучше свои истории при себе. Мне и так постоянно кажется будто за нами из этих разбитых окон кто-то наблюдает. Теперь вот буду о призраках думать.

– Мутанты Зоны страшнее любых призраков, – сказал я. – А люди всегда страшнее мутантов. Так что опасаться надо не мертвых теней, а живых уродов, которые очень стараются превратить тебя в эту самую мертвую тень.

– С тобой, Снар, даже побояться как следует не получается, – фыркнул Рудик. – Идешь себе, нервы щекочешь местными кошмарами, но тут ты рот открываешь – и всё. Вместо качественного мандража появляется желание пристрелить какого-нибудь гада. Ну куда это годится?

Вот так почесывая языками, дабы снять напряжение, мы миновали неслабое такое кладбище брошенной техники, раскинувшееся слева, и свернули на Заводскую улицу, ведущую прямо к «Юпитеру».

Свернули... и тут же, не сговариваясь, рванули под прикрытие ближайших деревьев.

Ибо с дороги открывался вид на завод, которому по идее положено было бы быть заброшенным, как и другим зданиям Припяти.

Однако мне одного взгляда хватило, чтобы понять – объект охраняется, и довольно неплохо для условий Зоны.

На крыше крайнего корпуса я успел рассмотреть пулеметное гнездо, оборудованное по всем правилам: что-то крупнокалиберное на станке, обложенное мешками с песком. Плюс завод «Юпитер» был обнесен по периметру колючей проволокой. Не кордон конечно, где заграждения в два ряда, и смотровые вышки торчат меж теми рядами. Здесь все было проще. Обычные столбы, врытые в землю. На них намотана колючка, к которой привязаны консервные банки и пустые бутылки. Сигнализация, известная еще со времен Первой мировой войны. Примитивная, но действенная. Начнешь проволоку перекусывать, по-любому чем-то, да звякнешь.

– Бандиты? – взволнованно поинтересовался Рудик, которому в свое время от бандюков в его родной вселенной крепко досталось.

– Не похоже, – покачал я головой. – Уж больно все грамотно организовано. К тому же я точно знаю, что у бандитов на свалке в Рассохе сейчас своих дел невпроворот. Скорее, это военные.

– И чего они тут забыли? – проворчал спир. – На кой им старый, заброшенный завод?

– Иди у них спроси, – буркнул я, доставая из рюкзака трубу разведчика ТР-4, которую я прихватил на складе Захарова. Удобный перископ для наблюдения за объектами из-за укрытия. Высунул я ее из-за дерева, и принялся более подробно изучать завод и подходы к нему.

Правда, детальное изучение «Юпитера» особо информации не добавило. Я не ошибся – на заводе основательно закрепились вояки. А может дезертиры. Или армейские сталкеры. Оборудовали себе базу, правда, непонятно зачем. Для

вдумчивого поиска артефактов и рейдов к ЧАЭС? Возможно. А может ищут чего на заводе. Например, то же, за чем мы с Рудиком сюда пришли. Вполне возможно.

Я сверился с КПК. Ну да, вышли мы удачно. Повезло так повезло. Как утопленникам. Пулемет как раз на крыше второго корпуса и стоит, за которым, по словам Харона, должен быть вход в убежище. Исходя из чего вопрос ровно один – как пробраться через колючку под прицелом пулемета? Дождаться ночи? Можно и так, только немногим это поможет – вон на углу крыши прожектор торчит. Остальную часть здания деревья загораживают, но, думаю, там то же самое – пулеметные гнезда и прожекторы. Проблема...

Я добросовестно чесал репу, придумывая хитрые планы проникновения внутрь охраняемой территории, как вдруг произошло неожиданное.

По правой стороне от улицы, ведущей к заводу, находилась относительно небольшая свалка утилизированной техники – в основном ржавые грузовики, с которых мародеры сняли все, что только можно было снять. И вот внезапно из-за одного такого грузовика вышла фигуристая девушка в поношенном, изрядно порванном камуфляже. Но странным было даже не появление девицы-красавицы в эдаком месте, а то, с какой легкостью и непринужденностью несла она пулемет Калашникова, вес которого вместе с примкнутой к нему патронной коробкой заметно оттягивает книзу руки мускулистых бывалых мужиков. Более того. На спине девушки висел плотно набитый армейский рюкзак нехилых размеров, литров на сто, не меньше, который будучи загруженным даже наполовину гарантированно гнет даже профессиональных вояк. Но дева двигалась так, словно ни рюкзака, ни пулемета в ее руках просто не существовало.

Она легко вскинула ПК к плечу, словно это была пластмассовая игрушка, и дала длинную очередь по пулеметному гнезду. Надо отметить, прицельную очередь. Трассерами. Которые легли точно в промежутки между торчащим наружу стволом пулемета и мешками с песком. При этом я успел заметить, что ПК в руках девушки практически не дергался от отдачи, словно он был на станке зафиксирован. И похоже я уже догадался, что за валькирия может столь непринужденно удерживать в своих лапках работающий пулемет.

Над зоной разнесся истошный вопль, слышимый даже за молотью ПК. Видимо, тот баклан, что дежурил в гнезде и пропустил движение в своем секторе, словил

мгновенную карму трассером, не фатально продырявившим тушку. Конечно, он был не прав, куря бамбук на посту. Но, на мой взгляд, дева с пулеметом недалеко от него ушла по части раздолбайства. Ибо, конечно, круто смотрится со стороны пальба по укрепленному объекту стоя в полный рост будто в кино. Но на деле такое шоу длится очень недолго. Ровно до тех пор, пока другие участники спектакля не осознают происходящее, и не подключатся к веселью.

Я уже видел движение в разбитых окнах трех-этажного заводского корпуса, и было понятно, что с минуты на минуту дева свалит точным выстрелом какой-нибудь опытный, хладнокровный стрелок. Ох, не люблю я такие вот развлечения, когда очень хороших парней типа меня до обидного мало, а плохих, мать их, целое здание, набитое ими, словно фекальная станция дерьмом.

Но выбора особо не было. Теперь уж точно незаметно на территорию завода не проникнуть. Значит, придется идти напролом.

– Рудик, стреляй на движение, – крикнул я, сунув TP-4 за пазуху и бросаясь вперед. Ибо дева с пулеметом, конечно, стреляет очень неплохо, но против хреновой тучи вооруженных бойцов ей по-любому не выжить.

На бегу я заметил, как какой-то из них появился в окне первого этажа, явно намереваясь испортить девушке настроение из своего автомата. Однако я выстрелил на мгновение раньше, и тяжелая пуля, долбанувшая в каску, унесла стрелка в глубь здания. Ну да, АШ-12 это тот случай, когда индивидуальные средства защиты не спасают – даже если пуля их и не пробивает, ее запреградное действие гарантированно нейтрализует противника.

Пока я бежал к девушке, успел снять еще одного. А также заметить, что Рудик длинной очередью успешно высадил уцелевшее стекло в окне второго этажа. И даже, возможно, кого-то задел, ибо из окна полетела не ответная очередь, а хриплый, надрывный мат.

А потом мне пришлось уйти в кувырок, потому что пулеметчица резко развернулась и полоснула очередью по тому месту, где долю секунды назад находилась моя голова.

Если честно, я такой исход предвидел, ибо когда в бою кто-то неожиданно стреляет позади тебя, то лучше перестраховаться. Потом, коли это была

подмога, а не враг, подкравшийся с тыла, конечно нужно будет извиниться. Если только будет перед кем.

Увидев мой маневр, она резко повела ствол пулемета вниз, но я успел заорать дурным голосом:

– Настя, свои!!!

Сработало. Линия пулеметного выстрела зависла над моей макушкой словно невидимый дамоклов меч. Глаза пулеметчицы были широко открытыми, немигающими. Безумными. Интересно, киборги мира Кремля могут сойти с ума? Ну а чего? Конечно, в своё время Фыф отделил живой мозг красавицы кио от электронного управляющего центра, но сам-то центр никуда не делся. Переключит там у нее что-то в наполовину электронной голове, замкнет проводка, примет меня за какого-нибудь супостата – и всё. Добро пожаловать, Снайпер, в Край Вечной войны. Называется помог девушке в трудной ситуации.

Я на всякий случай мысленно попросился с жизнью – но, как оказалось, поторопился. В бездонных глазищах красавицы мелькнуло узнавание. А потом в ее плечо ударила пуля, сорвав кусок кожи и немного мяса. Мне на лицо брызнула вязкая белесая кровь.

От такого ранения не то что девушка, мужик взвоят и схватится за надорванную мышцу. Но кио удар сзади лишь дал импульс к резкому развороту на сто восемьдесят градусов. Очередь – и стрелок, припавший к СВД явно с целью послать пулеметчице дополнительный гостинец, нелепо взмахнул руками, выронил винтовку и рухнул с крыши.

Условно все произошедшее за эти несколько секунд можно было считать успехом. Хотя бы потому, что мы все были живы. Пока что. Ибо я слышал – здание внутри гудело словно растревоженный улей, и в этом гудении я явственно различал отрывистые команды, отданные хорошо тренированными голосами. Это офицеры и сержанты раздавали вводные личному составу, слегка охреневшему от столь наглого нападения. И можно было не сомневаться – не пройдет и пары минут, как военные, придя в себя, вдолбят нас шквальным свинцом в раскисшую осеннюю грязь.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Об этих событиях можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон монолита» литературной серии «СТАЛКЕР».

Купить: https://tellnovel.com/ru/sillov_dmitriy/zakon-pripyati

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)